

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Р. Мухаметов

Все двадцать пять лет относительной свободы религиозной деятельности, появившейся в России с распадом Советского Союза, развитие мусульманской общины Северного Кавказа была неотрывно связаны с общей социально-политической ситуацией в регионе и в стране в целом. Можно говорить, что во многом весь феномен «исламского возрождения» стал заложником далеких от идеалов религии социально-экономических явлений. Такая ситуация сохраняется до сих пор, периодически видоизменяясь под воздействием различных факторов. Прежде всего, это рост нестабильности и угроз безопасности и разложение традиционного аграрного уклада жизни на Северном Кавказе, приобретшего уродливые формы в результате влияния на процесс издержек формирования российского капитализма.

Еще 5 лет назад в России каждый год стабильно фиксировалось около 50 терактов. Теперь их число приближается к 200, в них гибнет свыше 400 человек в год. Крупные акции, вроде Беслана или «Норд-Оста» ушли в прошлое, но мелких терактов стало больше. Да, большинство из них совершается на Северном Кавказе и направлено против спецслужб и чиновников. Но от этого легче только тем, кто Кавказ для себя уже отделил от остальной России.

Между тем, финансирование спецслужб и полиции достигает у нас аж 15% от всех суммарных расходов государства. По данным Минфина, больше тратится только на армию — в 2014 г. запланировано аж 20% всех денег государства. При этом на ЖКХ (а в России 40% населения живет в ветхом и аварийном жилье) — 0,5%, на образование и здравоохранение — чуть больше 3% на каждую отрасль. На культуру — всего 0,6%. Социально-экономи-

ческие показатели по Северному Кавказу по порядку хуже, чем по стране в целом.

Данные приведены по состоянию на 2013 год. С ухудшение экономической ситуации в результате политического давления из-за рубежа тенденция, скорее всего, только усилится.

В ответ на всю критику силовиков дают два стандартных ответа. Первый — имитация бурной деятельности по борьбе с экстремизмом-терроризмом. Дошло до полного абсурда — запретили хадисы Пророка (мир ему) и перевод Корана (позже, опомнившись, его отменили). Идет борьба с хиджабами, с сайтами и книгами, препятствуют строительству мечетей, выезду студентов на учебу за рубеж, арестовывают гражданских мусульманских деятелей, активных, но не экстремистски настроенных, «зачищают» халяльные кафе, закрывают детсады и проч.

Стандартное их объяснение — во всем виноваты некие арабские проповедники, которые в 90-е научили наших мусульман терроризму. Непонятно только, почему в одном северокавказском селе, откуда эти проповедники 15 лет назад уехали, ситуация сейчас с радикализмом очень тяжелая, а в другом, в соседнем районе, где были те же проповедники, жизнь более-менее нормальная.

Очевидно, что, сваливая вину на «происки врага» и обрушиваясь на обычную религиозную и общественную деятельность, наши силовики лишь ищут оправданий собственным, мягко говоря, ошибкам и непрофессионализму. Причины экстремизма — внутри страны, и мы все, общество и государство, за это несем ответственность.

Второй их ответ — это масштабные спецоперации, зачистки, режимы КТО в целых районах и городах, которые стали повседневной реальностью в Дагестане и других республиках

Северного Кавказа. Проводятся они по методу «лес рубят — щепки летят», т.е. не считаясь ни с какими издержками в виде пыток, похищений, бессудных казней, арестов невинных и проч.

Силовики таким образом пытаются хоть как-то сдержать рост радикальных настроений, оправдать собственное присутствие в регионе и средства на него выделяемые. Однако, понятно, что грубая сила способствует, скорее, не искоренению терроризма, а его росту, что легко доказывается статистикой того же Национального антитеррористического комитета других ведомств.

Понятно и то, что крупные войсковые спецоперации, может быть, были в чем-то эффективны в первые годы Второй чеченской кампании, когда приходилось иметь дело с достаточно большими группами вооруженных сепаратистов и экстремистов. Но сегодня спецназом, танками и вертолетами с закрытой сектой «культы смерти» а-ля Чарль Мэнсон, с этими кавказскими «детьми кукурузы» и со всеми присоединившимися к ним «прирожденными убийцами» подросткового возраста из ПТУ и подворотен, одержимыми сверхидеями разрушения и мести всем и вся, ничего не поделаешь.

Для того, чтобы на смену взорвавшим Волгоград Соколову и Асияловой — этим Бони и Клайд северокавказского «леса» — не пришли новые романтики-утописты, нужны специалисты другого уровня и квалификации.

Вокруг идей кавказского «джихадизма», Имарата Кавказ и организаций вроде «Исламского государства» собираются практически дети. Основное пополнение дают те, кому сегодня 20–23 года. Но есть и 14–15 подростки. Это новый вызов, на который мало кто обращает внимание.

Как минимум, происходящее говорит о том, что на процессы постсоветского распада наложился внутренний кризис традиционного кавказского общества, распад аграрной цивилизации и сопровождаемая этим масштабная маргинализация молодежи. Закрытый характер советской экономики и социальной структуры сдерживали этот процесс, давно завершившийся, например, в Поволжье. Издержки капиталистического развития в современном российском исполнении (коррупция, крими-

нал, деградация образования, медицины, распад социальной инфраструктуры, клановые и обычные войны и конфликты) превратили сложное явление модернизации кавказского общества в неуправляемое явление с непредсказуемым исходом его развития.

С другой стороны, фактов, слухов, утечек о манипуляциях, попустительстве и причастности сотрудников различных ведомств и чиновников к террористической деятельности уже слишком много, чтобы их банально игнорировать. Требуются хоть какие-то разъяснения со стороны органов, иначе уровень доверия к ним, и так не высокий, сойдет на нет полностью. Не надо быть специалистом по разговорам и деликатным операциям спецслужб, чтобы предположить, что те, кто наживается на борьбе с терроризмом, в принципе, должны быть заинтересованы, чтобы этот терроризм был.

Иными словами, псевдогоскорпорация по обеспечению безопасности на каком-то уровне вполне может сойтись с другой не менее крупной и влиятельной корпорацией по производству нестабильности на Северном Кавказе. Последняя орудует уже 20 лет и включает в себя далеко не только группы «бешеных» и «детскую армию» Имарата Кавказ, но и огромное число вполне солидных, влиятельных и состоятельных людей. Один бывший мэр Махачкалы и некогда видный «борец с терроризмом», лидер дагестанской «Единой России» Саид Амиров чего стоит.

В общем, если на низовом уровне по умам бродят безумные идеи, на среднем имеет место рэкет «на джихад», под которым все чаще понимаются личные интересы того или иного абрека XXI века, то выше — политический и просто крупный бизнес на нестабильности.

Кто в этом террористическом-антитеррористическом симбиозе, кем манипулирует, в чьих интересах действует, и что планирует, сейчас уже разобраться практически невозможно. Ситуация напоминает годы перед, во время и после первой русской революции, времена Азефа, Багрова, Гапона, Плеве, Зубатова, Столыпина...

Тогда революционеры, чиновники и Охранное отделение так проникли друг в друга, что уже стало не понятно, где заканчивается тер-

рористическая ячейка и начинается полиция; где терроризм, а где борьба с ним; где революционные «эксы», а где банальный совместный криминальный бизнес тогдашних силовиков и бандитов-социалистов; где государственная необходимость, а где сведение счетов с конкурентами по кабинету министров и двору с помощью эсеров.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИСЛАМА В КЧР

Далее развитие мусульманских общин в контексте общей ситуации на Северном Кавказе рассмотрим на примере Карачаево-Черкесии. Ситуация в регионе ожидаемо неоднозначная. В каждом районе на нее влияет целый комплекс проблем и факторов, которые определяют лицо сегодняшнего Ислама и мусульманина в республике.

Особую остроту ситуации в республике придает наличие в ней различных групп, имеющих различное отношение к Исламу — от фанатичных атеистов до убежденно верующих. Как с этой проблемой справляются сами мусульмане? Какие вопросы их сегодня волнуют? Готовы ли они сегодня брать на себя решение более широкого круга задач? И чего им в этом не хватает?

НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО

Что касается черкесских аулов, Шамель Шамерзов, помощник имама аула Хабез подтверждает, что в Хабезском районе, населенном черкесами, присутствует большой разброс мнений и представлений о том, что такое Ислам и каким должен быть истинный мусульманин. На религиозности народа огромный отпечаток оставила советская власть, которая жестоко искореняла любые проявления приерженности Исламу.

«Арестовывали и уничтожали имамов, представителей черкесского дворянства — основных носителей национальной и исламской культуры. Мой прадед, первый имам аула Хабез, был репрессирован за антисоветскую агитацию. Мечеть, которую в ауле строил мой дед, сожгли. Сейчас вместо нее стоит ветлечебница. За эти годы в народе создали какой-то страх

перед Исламом, люди начали бояться проявления религиозности», — заявляет Шамель.

С его слов, сегодня из-за этой боязни многие люди не могут до конца с открытой душой воспринимать Ислам. «Сегодня, хотя по закону, слава Аллаху, Ислам не запрещен, не преследуются верующие, — продолжает Шамель, — все равно через СМИ, через суды, через слухи и пересуды пугают ваххабизмом, нагнетается страх и недоверие к Исламу и мусульманам».

С его слов, количество верующих в черкесских районах все равно увеличивается. По аулам Хабезского района немало верующих — в самом Хабезе, в Бесленее, Псаучье-Дахе. Есть и такие, кто колеблется между-между. В каждом ауле есть мечеть. Но при этом, со слов Шамеля, мечеть в Хабезе пока не заполняется целиком даже на джума. Но при этом он просит учитывать, что очень много верующих и соблюдающих ребят находятся за пределами республики — на заработках в российских городах и областях.

Как утверждает Шамель, до сих пор в районе существует определенный круг лиц — это бывшие коммунисты, насквозь пропитанные коммунистическим воспитанием, продолжающие верить в идеалы прошлого. «Кроме того, они увлечены идеей древности нашего народа, его доисламской культурой», — утверждает он. Но с его же слов, их уже меньшинство, буквально, несколько человек, а большинство населения, все-таки, худо-бедно начинает поворачиваться к Исламу.

«Но зачастую рупор оказывается в руках у этой маленькой группы атеистов и коммунистов, — сетует Шамель, — В силу их возраста, в силу необходимости проявлять уважение к их седидам, мы молодые не можем решительно их перебивать. Пусть Аллах откроет им сердца, чтобы они остаток отмеренной им Всевышним жизни прожили как мусульмане и ушли из этого мира со словами шахады. Несмотря на эту группу лиц, Истина все равно все отчетливее проявляется перед людьми».

ПОРОКИ И «ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

Огромной проблемой для мусульман республики является распространение социаль-

ных пороков. Как утверждает Кемаль Салпагаров, имам «Красной мечети» в городе Усть-Джегута, «у нас на фоне развития Ислама не меньшими темпами развиваются сауны, специальные услуги при гостиницах». «Я убежден, что среди народов нашей республики специально насаждается прелюбодеяние — зина́», — заявляет Кемаль.

«В этих же саунах наши же девушки работают. Туда же заманивают на обслуживание клиентов беженки из Средней Азии, попрошайничаящих на улицах. Сауны хуже казино и игровых автоматов. Это же настоящие публичные дома. А кто против этого выступает, то их, похихикивая, обвиняют в нетрадиционной ориентации. В лучшем случае, говорят, что он человек прошлого. Однако я убежден, что если наше светлое будущее состоит в расцвете наркомании, проституции и алкоголизма среди нашего народа — я не хочу такого будущего», — убежденно утверждает имам «Красной мечети».

Что касается ногайских аулов, выделенных сегодня в отдельный Ногайский район, Марат Бодраков, заместитель имама аула Эркин-Халк, заявляет, что среди практикующих мусульман, посещающих мечеть — только старики и молодежь. Среднее поколение из-за коммунистического воспитания практически потеряно для Ислама, считает он.

Его слова подтверждает Анзор Апсов, имам Абазинского района, выпускник университета Абу-Нур в Сирии: «Да, на пятничном намазе из прихожан 90% составляет молодежь. К сожалению, у нас старшее поколение не так религиозно, как в Дагестане или Чечне. Коммунистический период безбожия и борьбы с Исламом оставил на нашем народе глубокий отпечаток. Именно после советских времен у нас стало мало молящихся».

«Количество верующих среди молодежи увеличивается, — продолжает Марат, — В основном за счет тех ребят, кто выезжал на заработки на Север и там вставал на намаз под влиянием татар и дагестанцев. И большая часть молодежи, в том числе и верующей, все-таки на выезде — на Севере или в иных российских областях».

«Оттого в наших аулах создается впечатление, что верующей молодежи мало, — делит-

ся Марат, — Конечно, у ногайцев пока интерес к Исламу ниже, чем у карачаевцев. В карачаевском Учкёкене, к примеру, в каждом квартале мечеть. У нас пока такого нет, но будет, с позволения Аллаха».

При этом, со слов Марата, среди ногайских мусульман склонности к радикальным идеям тоже меньше, чем в среднем по республике и по Кавказу. Более того, за последние 5 лет ребята, по наблюдениям Марата, начали возвращаться к традиционным формам практикования Ислама. Они увидели, с его слов, что местные имамы стоят на своем, не меняются под влиянием их горячих призывов и проповедей.

Что имамы предлагают не только соблюдать исламские предписания, но и сохранять свои обычаи. «Если обычаи не противоречат Шариату, мы стараемся объяснять молодежи, что ничего предосудительного нет в том, чтобы им следовать, — поясняет свою позицию Марат, — Но если противоречат, то тут мы уже работаем со стариками, стараясь аккуратно довести до них, что Ислам должен быть на первом месте».

ЖАЖДА МОЛОДЕЖИ

«На сегодняшний день молодежь жадно потребляет знания, ставит вопросы не просто о соблюдении своих обязанностей, — заявляет нам абазинский имам Анзор Апсов, — Но о том, как сделать больше этого, как развивать Ислам. Сегодня молодежи уже тесно в рамках так называемого «традиционного Ислама». Она готова искать и ищет ответы на свои вопросы не только в рамках традиционного для нашей республики ханафитского мазхаба».

Молодые верующие ребята, со слов Анзора, решительно идут на то, чтобы преодолевать мазхабные рамки, ищут в других мазхабах более достоверные, более обоснованные решения. «Но при этом они часто перечат старикам, уважаемым в народе людям, что не есть хорошо, — особо подчеркивает Анзор, — Надо проявлять в своем призыве и усердии больше мудрости и готовности к компромиссу».

Шамиль Хубиев, имам поселка Мирный Ставропольского края, основанного карачаевцами, вернувшимися из депортации из Средней Азии, выпускник Карачаево-Черкесского

исламского института имени Имама Абу Ханифы утверждает: «Верующая молодежь жаждет социальной справедливости. В основном это ребята от 20 до 30 лет. Они хотят построить исламское общество немедленно, хотят полностью перейти на шариатскую правовую основу. Хотя и сами до конца не понимают, что это такое».

Однако на пути к этому обществу молодежи еще очень много не достает. «Нельзя сказать, что знания молодежи растут благодаря просветительским программам Духовного управления, — делится с нами проблемой Анзор Апсов из Абазинского района, — В основном, молодежь черпает свои знания у тех ребят, кто учился за рубежом, кто-то сам по себе пытается учиться по брошюрам, или берет знания напрямую из интернета. Отсюда между верующими одного района появляется много разногласий».

Анзор продолжает: «А старики, не особо вдаваясь в подробности того, что происходит, причисляют любого молодого парня, придерживающегося иных мнений, к ваххабитам. Многие говорят, что те кто учился за границей несут в наш народ неправильное понимание Ислама, несут радикальные идеи. Но это совсем не так».

Наоборот, те, кто получал полноценные знания за рубежом, старается сдерживать молодежь от крайних шагов. Я вот в Сирии учился. Там ни в одном университете не проповедуют радикальные идеи, или ненависть к немусульманам, или враждебное отношение к России. То же самое в Саудовской Аравии. Саудовское правительство само противостоит собственным радикалам».

В ПОИСКАХ ОТВЕТОВ

Недостаток знаний молодежь пытается восполнить по-разному. Один из самых распространенных способов — позвонить напрямую знающему человеку. Как говорит помощник хабезского имама Шамель Шамерзов, вопросов, возникающих у верующих, много. «Часто звонят мне, еще чаще звонят более знающим ребятам, таким как Руслан Хакиров, — рассказывает Шамель, — У него телефон звонит без умолку, он постоянно разъясняет ребятам спорные вопросы, призывает и наставляет».

Марат Бодраков, заместитель имама аула Эркен-Халк подхватывает: «Мне каждый день звонят на мобильный по любому вопросу. Вчера, к примеру, звонили, спрашивали о том, может ли женщина порезать курицу. Если я знаю ответ — отвечаю сам. Если ответа не знаю — сам звоню в Карачаево-Черкесский исламский институт имени Имама Абу Ханифы и переадресую этот вопрос тамошним преподавателям арабам, выпускникам Аль-Азхара».

Шамиль Хубиев из поселка Мирный представляет нам ту же самую картину, что и в черкесских и ногайских аулах: «Очень часто, практически каждый день появляются бытовые вопросы, по которым люди хотят получить ответ с точки зрения фикха — мусульманского права. У меня телефон просто разрывается. Даже недовольство среди домашних назревает — хоть телефон выключай. За день получаю до 30 звонков с вопросами о том, как решить тот или иной вопрос. Мать специально даже считала».

СООТНОШЕНИЕ АДАТА И ШАРИАТА

Существует в республике и такая характерная для всего Кавказа особенность, как некоторая конкуренция в каждом народе между сторонниками традиционного горского права — адата, и между убежденными сторонниками права исламского — Шариата. Причем на Западном Кавказе всегда считалось, что крепче всего обычного права придерживаются черкесы и абазины, у которых до сих пор сохранился детально проработанный традиционный кодекс горской этики «Адыге Хабзе».

Однако, как утверждает имам Абазинского района Анзор Апсов, сегодня ситуация с приверженностью народа «Адыге Хабзе» не столь однозначная. «Люди постоянно заявляют о том, что хотят жить по «Адыге Хабзе», но сегодня уже мало кто ему следует, — делится Анзор, — Народ еще продолжает следовать некоторым элементам «Адыге Хабзе», соблюдает еще традиции на свадьбах, в этикете поведения, в отношении ко взрослым».

«Многие из этих обычаев ни в чем не противоречат Исламу, а наоборот придают мусульманскому обществу дополнительную красоту и колорит, — разъясняет свою позицию Анзор, —

Но молодежь все равно все больше забывает и отходит от этих обычаев».

Что же касается Ислама и исламского права, к которому склоняется все больше молодежи, то и здесь уровень их знаний об этом праве, и готовность ему следовать пока невысокая. «Что касается вопросов, которые задают мне, как имаму, верующие, — говорит Анзор, — то большая часть вопросов касается вопросов поклонения, которые в исламском праве — фикхе относятся к сфере «Ибадат». Уровень знаний об Исламе в районе пока не столь высок, чтобы верующие задавались более тонкими и сложными вопросами по фикху».

То же самое говорит и Марат Бодраков, заместитель имама аула Эркен-Халк: «Процентов 90 вопросов касаются сферы поклонения — ибадат. К сожалению, уровень знаний об Исламе пока очень низок, даже среди практикующей молодежи». А Анзор Апсов из Абазинского района продолжает: «Кроме вопросов поклонения, и разве что заключения брака — никях, относящегося в фикхе к правовой сфере человеческих взаимоотношений «Муамалят», пока другие вопросы не встают перед верующими района».

Шамиль Хубиев из поселка Мирный, однако, представляет нам другую картину: «80% из вопросов, которые мне задают — бытовые и имущественные вопросы, касающиеся такой отрасли фикха, как «муамалят» — сферы человеческих взаимоотношений. Вопросы, касающиеся сферы поклонения — ибадат, то есть молитвы, поста и т.д. становится все меньше. Местные мусульмане становятся все более образованными. Многие уже обладают достаточными знаниями о вопросах «ибадат». Оттого уже и вопросы «муамалят» поднимаются все чаще».

Имам усть-джегутинской мечети Кемаль Салпагаров более конкретен: «На первом месте перед приходящими к нам ребятами стоит вопрос о том, можно ли мусульманам работать в милиции и иных правоохранительных структурах. На втором месте стоит вопрос о том, можно ли мусульманину пользоваться кредитами, которые предоставляются российскими банками. Все чаще встают вопросы о том, как брать и как выстраивать отношения по Шариату со второй и третьей женой».

СЕМЕЙНЫЙ ФИКХ

«Что касается семейных вопросов, — заявляет абазинский имам Анзор Апсов, — то уровень следования требованиям Ислама в этих вопросах среди верующих нашего района еще недостаточно высок. Если некоторые вопросы, такие как заключение брака — никях, или обрезание, которые почти по всему Кавказу настолько вошли в обычаи народа, что воспринимаются, как собственные традиции.

Но даже к никяху в нашем районе прибегают не так часто. Поскольку общий уровень религиозного сознания и знаний об Исламе пока остается невысоким. Никях в нашем районе делают многие, именно как обычай, после ЗАГСа. Но вот с разводом по Шариату — таляк, пока сложнее».

Марат Бодраков из Ногайского района продолжает: «Из семейного фикха у нас соблюдается только заключение брака — никях. А вот шариатский развод — таляк, практически не практикуется. Подавляющее большинство пар разводится через ЗАГС. После, как положено по Шариату, не выжидают определенный срок для заключения другого брака. Есть, конечно, убежденные верующие, которые стараются это все соблюдать, но их мало».

«Что касается никяха, то он, фактически, врос в национальные обычаи, стал частью национальной культуры. Вот поэтому большинство людей его и соблюдает, — разъясняет нам ситуацию Марат, — У нас даже ставшее для всех мусульманских народов традиционным обрезание многие уже не делают.

Отец мой рассказывает, как еще в 40-е годы по улицам аулов ходили специальные люди и предлагали жителям свои услуги сделать обрезание. Потом эта традиция была утеряна. Но сегодня она возвращается. Сегодня в наши аулы приезжают турки-месхетинцы из Краснодарского края, предлагают свои услуги, при мечетях есть люди, кто делает, даже в поликлиниках профессиональные врачи начали делать обрезание».

СОВМЕЩЕНИЕ С РОССИЙСКИМ СЕМЕЙНЫМ КОДЕКСОМ

Беседа с Шамилем Хубиевым из поселка Мирный открывает перед нами еще одну ак-

туальную проблему — соотношения между мусульманским семейным фикхом и российским семейным законодательством: «Что касается совмещения мусульманских правовых решений по вопросам человеческих взаимоотношений с решениями, которые нам предлагает светская правовая система, то здесь не все однозначно».

«Если коснуться, к примеру, вопроса заключения брака по Исламу, заключения никаха, — продолжает Шамиль, — то для мусульман России никаких препятствий не существует. Делай никах в мечети — и живи. Сложнее обстоит дело с разводом — таляк. К примеру, даже если супруги развелись по Шариату, то ведь этот развод не признается российским законом, пока супруги официально не оформят свой развод. Или наоборот, когда супруги развелись по российскому закону, но шариатского развода еще не было».

«У меня был случай, когда светский суд развел супружескую пару, а муж по Шариату таляк супруге не давал, — приводит нам наглядный пример Шамиль, — Как быть с этим правовым казусом? Тем более, когда муж отказывается разводиться с супругой по Шариату. У мусульман республики нет кадия, чтобы их развести. Но на этом этот казус не завершился, поскольку к этой девушке посватался другой мужчина.

Самое интересное было, что все трое — и муж, и жена, и уже сватающийся к ней мужчина — они все соблюдающие мусульмане. Как быть этим троим в этой ситуации? С этим вопросом они и пришли ко мне. Мы дома у мужа собрали родственников его, родственников жены, объяснили ему всю абсурдность и щекотливость ситуации. То есть, сделали маслаха. В итоге он согласился и дал жене развод по Шариату.

А если бы он продолжал упорствовать, то проблема так и осталась бы неразрешимой. Так, как быть мусульманам в подобных ситуациях, если нет ни кадия, ни каких бы то ни было правовых механизмов разрешения проблемных ситуаций с точки зрения фикха».

МНОГОЖЕНСТВО И НАСЛЕДСТВО

Что касается многоженства, то оно, на взгляд имама усть-джегутинской мечети Ке-

мая Салпагарова, среди мусульман республики пока не распространено. «Ребята верующие-то давно готовы брать вторых жен, — говорит Кемаль, — но этому пока сопротивляется, как общество, так и сами верующие девушки. Для того, чтобы преодолеть это сопротивление общества, нужно чтобы наши сестры-мусульманки поняли, насколько это важно по Исламу. Поняли, насколько другая сестра-мусульманка, как и другие замужние девушки, нуждается в муже, в семье, в социальной защите».

Относительно правомочности с точки зрения российского закона заключения мусульманином второго брака имам поселка Мирный Шамиль Хубиев заявляет: «Что касается вторых и третьих жен, которых муж не может официально заявить в ЗАГСе, мусульмане на это не смотрят. Все равно женятся, и их несколько не смущает отсутствие печати в паспорте. И закон к ним не может придраться. Вот в русских областях живут люди в гражданском браке без росписи, и никто им ничего по закону не может предъявить. Так же и в ситуации со вторыми женами у мусульман».

Относительно такой отрасли семейного фикха, как наследование имущества мусульманина по Исламу, то имамы республики также открывают перед нами неоднозначную картину. Заместитель имама ногайского Эркен-Халка Марат Бодраков утверждает: «Вопросы наследования у нас вовсе забыты, никто из местных мусульман даже не задумывается об этой стороне своих обязанностей по Исламу».

Абазинский имам Анзор Апсов подтверждает: «У нас также практически никто не следует положениям фикха при разделе наследства. Но это не значит, что молодежь не задается подобными вопросами. Молодые ребята, которые постоянно повышают свой уровень знаний в Исламе, все чаще начинают ставить такие вопросы, как раздел наследства, улаживание имущественных споров».

Что касается соотношения положений фикха о разделе наследства с российским законом, Шамиль Хубиев из поселка Мирный, не видит в этом особых проблем. «Российское законодательство не навязывает нам какой-то определенной схемы раздела наследства — тому столько-то, а тому столько-то. Оставляя все на усмотрение самого хозяина наследства — кому

и как разделить. И хозяин, будучи мусульманином, может сам определить своих наследников и их доли».

БЫТОВАЯ ЭКОНОМИКА

«То же самое касается проблемы возвращения долгов,— продолжает Шамиль, Как заставить должника вернуть взятые деньги? Если при взятии долга была написана расписка, как это и положено по Исламу, то решить подобный вопрос проще. Если расписки не было, спросить с человека долг намного сложнее. Приходится говорить, убеждать, иногда долго и упорно. Но поскольку в большинстве случаев ко мне обращаются соблюдающие мусульмане, то убедить должника вернуть долг проще. Но если претензии предъявляются не убежденному верующему, решить вопрос, несомненно, сложнее».

Анзор Апсов из Абазинского района приводит подобный пример из своей практики: «Вопросы возвращения долга часто встают перед верующими. Недавно был случай, с которым ко мне пришли. Один человек взял у другого в долг и не отдает. Оба верующие. Пришли ко мне в мечеть. Пытался разрешить проблему по Исламу, убеждал, увещевал. Видя, что не получается, начали даже «по-блатному». Все равно не смогли разрешить этот вопрос. Пока уровень сознания верующих не настолько высок, чтобы говорить о том, что люди во всем готовы следовать требованиям Шариата».

Помощник хабезского имама Шамель Шамерзов утверждает, что в последнее время все чаще стали спрашивать про кредиты. «Сегодня у каждого есть возможность получить в кредит деньги на жилье, на машину, на образование,— говорит он,— Но это все под проценты, что запрещено Шариатом. Вот верующие ребята и избегают с ними связываться, как бы тяжело им это ни было».

При этом мусульмане республики готовы проявлять гибкость в отношении многих противоречий, возникающих со светским законом. Кемаль Салпагаров из Усть-Джегуты утверждает: «Я стараюсь отвечать на поступающие ко мне вопросы, в основном, ссылаясь на фатвы нашего ученого, имама города Кисловодск Назби Аджиева.

Несмотря на то, что его сейчас обвиняют в преступлении, которого он по нашему убеждению не совершал, он был достаточно гибок в решении подобных вопросов. Что касается кредитов, то Назби-хаджи, ссылаясь на мнение саудовского ученого Мустафы Махдума, считает для мусульман в крайних случаях дозволенным взятие кредита под процент, но только на приобретение дома».

МИЛИЦИЯ И ВЛАСТЬ

Вообще, вопрос о соотношении между требованиями Шариата и российского законодательства, все чаще встает перед мусульманами республики. Со слов Марата Бодракова из Ногайского района, «многие убеждены в том, что эти две правовые системы во всем противоречат друг другу. Но опять-таки, подобные крайние мнения — от незнания своей религии и от незнания той страны, где они живут. Они же в основном свои знания берут из перевода Корана Крачковского, читают фетвы и статьи в Интернете, брошюры».

Как утверждает абазинский имам Анзор Апсов, «возникают у молодых ребят и такие вопросы, как дозволенность для мусульман службы в милиции и иных правоохранительных структурах». Кемаль Салпагаров из Усть-Джегуты, опирающийся в своей практике на фетвы имама Кисловодска Назби Аджиева, утверждает: «Назби-хаджи считал для мусульман дозволенным работать в милиции при соблюдении определенных условий. Первое, при условии не оставления молитвы и второе, при условии, что своей работой в милиции мусульманин не будет причинять вред другим мусульманам».

Однако Кемаль на этом не останавливается: «Проблема в том, что, если человек молится, то его автоматически считают экстремистом. Создали отдел по борьбе с экстремизмом, но те, кто там работает, абсолютно не разбираются в Исламе. Первое что нужно сделать власти, это людей, знающих Ислам, назначить на ключевые посты, от которых зависит борьба с экстремизмом и радикализмом.

Причем с экстремизмом и радикализмом не только исламским, но антиисламским экстремизмом и радикализмом. Ведь сегодня на-

столько широкомасштабную войну по всем фронтам объявили из всех религий только Исламу. А почему власть не борется с сектантами, Свидетелями Иеговы, со всякими Грабовыми?»

«Почему бы мусульманам не участвовать во власти? — продолжает ставить вопросы Кемаль Салпагаров, — В чем проблема? В том же страхе перед мусульманами? Вот, к примеру, бывший глава администрации президента Карачаево-Черкесии Мурад Каракетов прямо заявлял, что «сегодня убийцу пустят во власть, а верующего не пустят».

Но верующие и практикующие ребята сегодня сами пошли во власть, начали выдвигаться депутатами Народного Собрания, занимать посты в Правительстве. Потому что знающие мусульмане, нормально мыслящие все понимали, что это надо для дальнейшего развития нашего народа, оздоровления общества. Нам мусульманам надо преодолевать границы отчуждения, которые искусственно создают между верующими и неверующими, которые навязываются многим горячим головам из числа молодых мусульман».

А СУДЬИ ГДЕ?

Шамиль Хубиев из поселка Мирный также уверен, что многие вопросы в рамках российской правовой и политической системы можно решить: «Российское гражданское законодательство не душило мусульман. Нельзя сказать, что мусульмане не имеют возможности в российском правовом пространстве решить многие из своих вопросов».

Кемаль Салпагаров его поддерживает: «Никто не говорит о шариатском государстве. Нас, мусульман республики, да и России, устроила бы и светская правовая и судебная системы. Но только чтобы порядок был, чтобы ко всем закон одинаково справедлив и суров был. А так, чем больше вкачивают денег в борьбу с террором, тем больше этого террора и получают в итоге».

Анзор Апсов из Абазинского района предлагает приемлемое, на его взгляд, решение возникающих противоречий: «Сами работники Духовного управления признают, что для разрешения подобных вопросов у нас должен

быть авторитетный шариатский судья — кадий. У нас в структуре Духовного управления есть должность кадия.

Но он исполняет не обязанности шариатского судьи, а является по должности заместителем председателя Духовного управления. В итоге получается, что правовые вопросы по Шариату в республике на официальном уровне решать некому. А решать их надо, поскольку с каждым годом таких вопросов становится все больше».

Такого мнения придерживается не только он. Марат Бодраков из Ногайского района поддерживает Анзора: «Я, конечно, стараюсь отвечать на все задаваемые мне вопросы. Но я убежден, что нам нужен специальный человек, кадий, шариатский судья, специалист по исламскому праву, по фикху и Шариату, чтобы справиться с нарастающим количеством вопросов и проблем».

О том же говорит и Шамиль Хубиев: «У нас в Духовном управлении есть, человек, чья должность называется «кадий», то есть шариатский судья. Но это только название, поскольку разрешением дел по мусульманскому праву этот человек не занимается вовсе. Просто называли кадием, вот он так и называется».

Однако даже без кадия, права мусульман по российскому гражданскому кодексу достаточно широки. Но сегодня мусульмане даже представления об этом не имеют. Они же сами имеют полное право разрешать спорные вопросы по Шариату, прибегая к услугам третейских судей. А судей этих мусульмане каждый раз сами и могут выбирать, хоть из числа имамов мечетей, хоть из числа выпускников исламских вузов, хоть из числа простых верующих, кому они доверяют.

Мусульманам такая структура сегодня очень нужна. Лучше было бы если бы она существовала при Духовных управлениях. Кроме того, у нас должен существовать и консультационный орган, который мог бы предоставлять правовые консультации по шариатским вопросам, разъяснять людям спорные моменты. Необходимо всячески повышать правовую грамотность мусульман, как относительно Шариата, так и относительно российского законодательства».